Ксения Соболева

Развод.

Жить буду с ней, *а ужинать — дома*

Ксения Соболева

Развод. Жить буду с ней, а ужинать - дома.

https://litres.ru/74713644

Аннотация

— Жить я буду с ней, Наташа, а ужинать — дома. Ты ведь всё равно готовишь!

Тридцать один год я была хорошей женой. А потом муж нашёл себе женщину на тринадцать лет моложе и объявил, что уходит к ней. Но от моих борщей, чистых рубашек и домашнего уюта отказываться не собирается!

Я думала, больнее уже не будет. Пока однажды он не попросил завернуть остатки ужина... для своей любовницы!

И самое страшное — этот наглец искренне уверен, что я никуда не денусь. Что буду ждать, кормить и радоваться каждому его визиту.

Но однажды он вернётся ко мне с чемоданом, уверенный, что я приму его обратно.

И даже не представляет, кто теперь сидит за моим столом...

Содержание

Глава 1. Ты ведь всё равно готовишь 4
Глава 2. Я ещё жду его 35
Глава 3. Порция для Элины 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Глава 1. Ты ведь всё равно готовишь

— Наталья Сергеевна, ну останьтесь вы хоть сегодня! — Галина Викторовна заглянула в библиотеку, когда Наталья уже выключила компьютер и складывала в сумку очки. — У нас ведь сегодня первый просмотр после каникул, народ соберётся, чай приготовили. Титов обещал какой-то хороший фильм принести, а потом ещё обсуждать будем. Вы же сами говорили, что хотели посмотреть, так чего опять убегаете?

— Не могу, Галочка, — виновато улыбнулась Наталья, застёгивая сумку. — Мне ещё в магазин нужно, да и дома дел полно. В следующий раз обязательно останусь, вот увидишь. Только ты мне потом расскажи, что смотрели, а то я совсем от жизни отстану.

— Вы мне это с прошлого учебного года обещаете, — укоризненно заметила коллега, прислоняясь к дверному косяку. — У вас что, дома маленькие дети? Ася давно выросла, Леонид Иванович тоже мальчик большой, один вечер как-нибудь переживёт. Хоть иногда для себя пожить надо, Наташ.

Наталья рассмеялась, но отвечать не стала. Галина была всего на несколько лет младше, жила одна после развода и относилась к свободному времени совершенно иначе. Она

могла после работы отправиться в кино, в кафе или просто гулять по городу, не задумываясь, во сколько вернётся и кто станет ждать её дома. Наталья иногда завидовала этой лёгкости, но признаться в том не решилась бы даже самой себе. Ей казалось, что Галина просто привыкла к одиночеству и научилась находить в нём удовольствие, а у неё, Натальи, всё-таки семья, муж, давно заведённый порядок. Леонид терпеть не мог ужинать поздно, и хотя последние месяцы нередко возвращался после восьми, стоило ей самой задержаться, как он непременно находил повод выразить недовольство. Не скандалил, нет, до настоящих скандалов у них давно не доходило, но мог весь вечер ходить с таким лицом, что хотелось поскорее накормить его и закончить неприятный разговор.

Попрощавшись с коллегой, Наталья вышла из колледжа и остановилась на крыльце, поправляя лямку сумки. Начало сентября выдалось тёплым, почти летним, однако в воздухе уже чувствовалась осень. На деревьях возле остановки появились первые жёлтые листья, студенты торопились к автобусам, громко переговаривались, смеялись, строили планы на вечер. Наталья посмотрела на часы и прибавила шагу. До прихода Леонида оставалось чуть больше двух часов, а дома нужно было ещё приготовить ужин, убрать высохшее бельё и погладить ему рубашку на завтра. Утром муж пожаловался, что все приличные рубашки куда-то подевались, хотя она прекрасно знала, что две висят в шкафу, просто одна была

голубой, а другую он в последнее время почему-то разлюбил.

В продуктовом магазине Наталья задержалась возле мясного отдела. Вчера она собиралась приготовить котлеты, но вечером Леонид неожиданно сообщил, что ужинать не будет, и фарш пришлось убрать в морозильник. Сегодня она решила сделать жаркое с картофелем и грибами, которое муж любил ещё с молодости. Обычно он ел его с удовольствием, особенно если Наталья не жалела лука и добавляла немного сметаны. Она выбрала хорошую свинину, купила шампиньоны, свежий укроп и батон с хрустящей корочкой. Уже возле кассы вспомнила, что закончились любимые Леонидовы солёные огурцы, вернулась к полкам и некоторое время выбирала банку, рассматривая состав. Ей хотелось приготовить что-нибудь особенно вкусное, хотя объяснить себе причину этого желания она вряд ли сумела бы.

Последние месяцы отношения с мужем складывались не лучшим образом. Наталья замечала это, конечно, не могла не замечать, но всякий раз находила объяснение, не требующее признать что-то по-настоящему страшное. Леонид много работал, в его отделе постоянно происходили какие-то перестановки, начальство требовало невозможного, а подчинённые, если верить его рассказам, совершенно разучились думать самостоятельно. Он приходил раздражённым, отмахивался от её вопросов, мог весь вечер просидеть с телефоном и уходил спать, не пожелав спокойной ночи. Прежде Наталья обижалась, пыталась поговорить, но постепенно переста-

ла приставать к нему с расспросами. Она считала, что мужчине иногда необходимо побыть в тишине, особенно когда на работе столько проблем.

Больше всего её тревожило другое. Леонид почти перестал прикасаться к ней, и дело было даже не в супружеской близости, которая за тридцать один год брака, разумеется, стала совсем не такой, как в молодости. Раньше он мог мимоходом обнять Наталью, положить ладонь ей на плечо, поцеловать в висок, когда она стояла возле плиты. Теперь подобных мелочей не осталось. Однажды она сама попыталась обнять его со спины, когда он выбирал рубашку перед зеркалом, а Леонид поморщился и попросил не мешать, потому что спешит. Наталья тогда обиделась, даже расплакалась в ванной, но уже на следующий день решила, что преувеличила случившееся. В конце концов, в их возрасте не стоит ожидать от мужчины постоянных нежностей, тем более если он устаёт на работе.

Подходя к дому, Наталья обнаружила, что снова думает об этом, и сердито одёрнула себя. Ничего хорошего не получится, если изводить мужа подозрениями и обидами. Сегодня он обещал прийти вовремя, значит, они спокойно поужинают, поговорят, а потом, возможно, посмотрят вместе какой-нибудь фильм. Ей давно хотелось провести с ним обычный тихий вечер, без его бесконечных звонков и необходимости подбирать слова, чтобы случайно не вызвать раздражения. Наталья даже подумала, что можно будет предложить

в выходные куда-нибудь съездить. Раньше они любили выбираться за город, гулять возле реки, иногда заходили в маленькое кафе, где подавали замечательные пироги. В последнее время Леонид почти всегда находил причины отказаться, но ведь рано или поздно рабочие неприятности должны закончиться.

Дома она первым делом переоделась в мягкие домашние брюки и светлую блузку, убрала волосы заколкой и отправилась на кухню. Квартира встретила её привычной тишиной. В коридоре стояли мужнины ботинки, которые он почему-то не убрал с вечера, на тумбочке лежали рекламные листовки, а возле зеркала висел забытый зонтик. Наталья автоматически поправила ботинки, выбросила рекламу и только после этого прошла к плите. Она не считала себя женщиной, помешанной на порядке, но любила, когда дома было чисто и уютно. Ей нравились красивые салфетки, свежие полотенца, цветы на подоконнике и посуда, которую они с Леонидом покупали ещё в первые годы брака. Некоторые тарелки давно следовало заменить, однако выбрасывать их было жалко: слишком много воспоминаний с ними связывалось.

Пока мясо обжаривалось, Наталья почистила картофель, нарезала грибы и поставила чайник. Потом достала из шкафа две большие тарелки, привычно проверила, нет ли на них разводов, и поставила на стол. За окном медленно темнело, из соседнего двора доносились детские голоса, а на кухне приятно пахло жареным луком и свежим укропом. Ната-

лья попробовала подливу, добавила немного соли и довольно улыбнулась. Получилось именно так, как любил Леня. Она давно привыкла называть его полным именем при посторонних, однако дома, особенно когда была в хорошем настроении, всё ещё мысленно возвращалась к прежнему короткому «Леня», которым звала его в молодости.

Они познакомились, когда ей был двадцать один год. Леонид тогда казался очень взрослым, уверенным в себе человеком, хотя сейчас Наталья понимала, что в двадцать пять он тоже был совсем мальчишкой. Она помнила их первые свидания, прогулки до поздней ночи и его смешную привычку покупать ей мороженое даже зимой. Потом была свадьба, маленькая съёмная квартира, рождение Аси, бесконечные заботы и постепенно налаживавшаяся жизнь. Они ссорились, конечно, иногда серьёзно, но всегда мирились. Наталья привыкла думать о муже как о человеке, который может быть резким, упрямым, несправедливым, однако всё равно остаётся своим. Она знала его привычки, болезни, вкусы и страхи, помнила, как он переживал смерть отца и как радовался первой хорошей должности. Ей казалось, что за столько лет люди становятся настолько близкими, что могут позволить себе не говорить о любви ежедневно.

Когда без десяти семь повернулся ключ в замке, Наталья даже вздрогнула от радости. Леонид действительно пришёл вовремя, чего не случалось уже несколько недель. Она поспешно убавила огонь, вытерла руки полотенцем и вышла в

прихожую. Муж стоял перед зеркалом, снимая лёгкую куртку. В свои пятьдесят шесть он оставался крепким, представительным мужчиной, тщательно следил за одеждой и всегда был недоволен, если Наталья замечала появившиеся у него седые волосы. Сегодня на нём была тёмно-синяя рубашка, которую он купил совсем недавно, хотя прежде предпочитал более спокойные цвета.

— Ты сегодня рано! — обрадовалась Наталья, останавливаясь рядом. — А я как раз ужин заканчиваю. Представляешь, даже специально никуда не задерживалась, хотя девчонки звали в кино. Сейчас переодевайся, мой руки, через пять минут всё будет готово.

— Хорошо, — ответил Леонид, не поднимая на неё глаз. — Только не суетись так, Наташ. Я не умираю с голоду, несколько минут подожду. Ты лучше скажи, Ася сегодня звонила?

— Нет, вчера разговаривали, — Наталья потянулась помочь ему повесить куртку, но муж уже сам убрал её в шкаф. — У них всё нормально, на работе какие-то изменения, но она довольна. Обещала на выходных заехать, если ничего не случится. А ты чего спрашиваешь? Соскучился по дочке?

— Просто спросил, — Леонид пожал плечами и прошёл в ванную. — Не надо в каждом вопросе искать какой-то особенный смысл. Я сейчас выйду, а ты пока накрывай.

Наталья осталась в прихожей, слегка задетая его тоном. Она ведь ничего такого не сказала, просто обрадовалась, что

он сам вспомнил об Асе. Впрочем, настроение портить не хотелось, и она вернулась на кухню, достала из холодильника огурцы, нарезала хлеб и поставила на стол салфетницу. Леонид появился через несколько минут, уже в домашних брюках и футболке, сел на своё привычное место возле окна и положил телефон рядом с тарелкой. Наталья принесла жаркое, разложила по порциям и села напротив. Она заметила, что муж смотрит на еду с аппетитом, и почувствовала знакомое удовольствие от удавшегося ужина.

— О, вот это другое дело, — сказал Леонид, попробовав мясо и потянувшись за хлебом. — А то я последние дни питаюсь непонятно чем. Нормальной еды не дождёшься, всё какие-то салаты да перекусы. Ты картошку хорошо сделала, не развалилась.

— А где ты питаешься-то? — спросила Наталья, пододвигая ему огурцы. — Ты же говорил, что на работе столовая вполне приличная. Или опять закрыли на ремонт?

— Да в разных местах, — уклончиво ответил муж, отправляя в рот следующий кусок. — Неважно, Наташ. Слушай, дай мне ещё немного подливы, только без лишнего мяса, я потом добавку возьму. А салат какой-нибудь есть?

— Огурцы вот, помидоры могу нарезать, — предложила она, уже собираясь подняться. — Ты только скажи, если хочешь. Я специально свежие купила, красивые такие, мясистые. Сейчас сделаю за две минуты.

— Сиди, — Леонид остановил её движением руки. —

Обойдусь огурцами. Ты сама-то ешь, а то опять потом будешь холодное доедать.

Наталья улыбнулась и послушно взялась за вилку. Ей показалось, что муж сегодня настроен доброжелательнее обычного. Даже замечание о холодной еде прозвучало почти заботливо, хотя раньше он нередко говорил то же самое раздражённым тоном. Она решила воспользоваться случаем и рассказать о забавном происшествии в библиотеке. Молоденькая первокурсница перепутала авторов и долго искала в каталоге совершенно несуществующую книгу, а когда Наталья разобралась, что именно ей требуется, обе так расхохотались, что пришлось объясняться перед остальными посетителями.

— Представляешь, она мне серьёзно доказывает, что преподаватель точно назвал именно этого писателя, — рассказывала Наталья, улыбаясь при воспоминании. — А я смотрю на её список и понимаю, что там вообще фамилия другого человека. В итоге выяснилось, что девочка неправильно записала, когда лекцию слушала. Она такая красная стояла, бедная, я даже пожалела её. Говорю, ничего страшного, у нас и преподаватели иной раз такое спрашивают, что потом полдня разбираемся.

— Угу, — отозвался Леонид, продолжая есть. — Молодёжь сейчас вообще читать не умеет, не говоря уже о том, чтобы что-то запомнить. У меня такие же работают, только зарплату требуют приличную. Недавно одному поручение

дал, так он три раза переспросил, что от него хотят. Я уже не знаю, где их набирают.

— Ну, у нас ребята разные, — возразила Наталья, которой стало немного обидно за студентку. — Есть очень толковые, просто иногда путаются. Я сама в их возрасте далеко не всё знала. А вот эта девочка потом вернулась и спасибо сказала, между прочим. Мне даже приятно стало.

Леонид ничего не ответил. Он взял кусок хлеба, тщательно собрал с тарелки оставшуюся подливу и попросил ещё немного жаркого. Наталья поднялась, положила ему добавку, налила компот и только после этого снова села. Пока муж ел, она пыталась придумать, о чём бы ещё поговорить. Ей хотелось спросить про работу, но он в последнее время раздражался от подобных вопросов. Хотелось предложить поездку за город, однако она решила подождать, пока Леонид окончательно поужинает и немного отдохнёт. В конце концов, они никуда не торопились, впереди был целый вечер, а завтра обоим снова предстояло рано вставать.

— В субботу, наверное, хорошая погода будет, — всё-таки начала Наталья, когда муж отложил вилку. — Я сегодня смотрела прогноз, дождя вроде не обещают. Может, съездим куда-нибудь? Помнишь, мы раньше в Сосновку ездили, там ещё кафе возле речки было? Давно ведь выбирались, я уже и не помню когда.

Леонид промокнул рот салфеткой и некоторое время смотрел на неё, не отвечая. Наталья решила, что он обдумы-

вает предложение, и поспешно добавила, что далеко ехать не придётся, можно просто погулять пару часов и вернуться домой. Муж отодвинул тарелку, взял стакан с компотом и сделал несколько глотков. Потом поставил его на стол и вздохнул с таким видом, словно собирался приступить к неприятному, но необходимому делу.

— Наташ, нам поговорить надо, — произнёс он наконец, выпрямляясь на стуле. — Я вообще-то сегодня поэтому пораньше и приехал. Давно собирался, всё подходящего момента не находил, а дальше откладывать уже нехорошо.

— Что случилось? — Наталья сразу насторожилась, хотя ещё минуту назад была совершенно спокойна. — На работе неприятности? Леня, ты меня пугаешь. Если что-то серьёзное, так и скажи, зачем ходить вокруг да около?

— На работе всё нормально, — Леонид слегка поморщился, словно её предположение показалось ему нелепым. — Дело в другом. Я ухожу, Наташ. У меня другая женщина, и я решил теперь жить с ней. Скрывать больше не хочу, да и смысла никакого нет. Думаю, мы с тобой взрослые люди и сможем всё это обсудить без скандалов.

Наталья смотрела на него, ожидая продолжения. Слова были совершенно понятными, каждое в отдельности она прекрасно расслышала, но вместе они почему-то не складывались в осмысленную фразу. Леонид сидел напротив, за их кухонным столом, возле пустой тарелки, на которой ещё несколько минут назад лежало приготовленное ею жаркое, и

говорил о какой-то другой женщине. Он не выглядел взволнованным, не прятал глаза, не пытался подобрать слова. Напротив, казалось, что ему стало легче после произнесённого признания, и теперь он ждёт от Натальи разумной реакции.

— Ты что сказал? — переспросила она, чувствуя, как неприятно холодеют пальцы. — Леня, я не поняла. Куда ты уходишь? Какая женщина?

— Наташ, я же только что объяснил, — муж вздохнул, явно недовольный необходимостью повторяться. — У меня отношения с другой женщиной. Серьёзные отношения, не какая-то случайная история. Мы решили жить вместе, и я сегодня окончательно к ней переезжаю. Мне кажется, так будет честнее по отношению ко всем.

— К кому ко всем? — Наталья машинально положила вилку рядом с тарелкой. — Ты сейчас о ком говоришь? Какая ещё женщина, Леня? Ты что, шутишь так? Это у тебя такой юмор теперь?

— Не надо делать вид, что ничего не понимаешь, — ответил Леонид, нахмурившись. — Я прекрасно понимаю, что тебе неприятно, но не нужно превращать серьёзный разговор в балаган. Мне пятьдесят шесть лет, тебе пятьдесят два, мы давно не дети. Люди иногда расходятся, даже после многих лет брака. Ничего необыкновенного в этом нет.

Наталья открыла рот, собираясь возразить, но вместо слов вырвался какой-то короткий хриплый звук. Она вдруг заметила, что вилка лежит криво, и поправила её, словно это име-

ло какое-то значение. Потом посмотрела на мужа, на его аккуратно сложенную салфетку, на телефон возле стакана и почувствовала, как начинает стучать сердце. Всё вокруг оставалось прежним. На плите тихо остывало жаркое, за окном проехала машина, где-то у соседей залаяла собака. Наталье показалось невероятным, что обычная жизнь продолжается, когда муж только что сообщил ей о существовании другой женщины.

— Как её зовут? — спросила она наконец, с трудом заставив себя говорить. — Я хочу знать, как зовут твою женщину. И сколько ей лет, раз уж ты решил всё рассказывать честно. Ты ведь наверняка поэтому такой спокойный, да? Давно всё придумал, а мне только сейчас сообщил?

— Элина, — ответил Леонид после небольшой паузы. — Ей тридцать девять. Мы познакомились через общих знакомых, потом начали общаться. Так получилось, Наташ. Я не собирался специально заводить роман, но жизнь иногда складывается не так, как планируешь.

— Тридцать девять, — медленно повторила Наталья, глядя на него расширившимися глазами. — Значит, на тринадцать лет меня моложе. Замечательно, Леня. Просто замечательно! И давно у тебя эта Элина? Месяц, два? Или я уже полгода последняя дура, которая ничего не знает?

Леонид отвёл взгляд и потянулся к стакану, хотя компота там почти не осталось. Он явно не рассчитывал, что разговор так быстро перейдёт к подробностям, и некоторое вре-

мя разглядывал дно стакана, словно ответ можно было найти там. Наталья следила за каждым его движением, внезапно ощущая такую злость, что хотелось схватить что-нибудь тяжёлое и разбить об пол. Ей казалось, что от мужа требуется совсем немного: испугаться, смутиться, показать хотя бы тень сожаления. Но он продолжал сидеть с тем же спокойным выражением лица, какое обычно появлялось у него, когда приходилось объяснять кому-нибудь очевидные, по его мнению, вещи.

— С конца зимы мы общаемся, — наконец произнёс Леонид. — А ближе всё стало весной. Только давай не будем сейчас подсчитывать дни и месяцы, Наташ. Это ничего не изменит, а ты сама себя измучаешь. Я ведь не предлагаю тебе выяснять отношения с Элиной, незачем вообще в это втягивать постороннего человека.

— Постороннего человека? — Наталья резко выпрямилась. — Ты сейчас назвал посторонним человеком женщину, с которой спишь за моей спиной? Леня, ты себя слышишь? Ты полгода мне врёшь, а теперь сидишь тут и рассказываешь, кого нельзя втягивать в наши отношения!

— Не надо кричать, — поморщился Леонид, бросив взгляд на кухонную дверь. — Соседи всё прекрасно слышат, у нас стены не такие толстые. Я понимаю, тебе обидно, но можно же разговаривать нормально. И вообще, я мог бы ничего не рассказывать, продолжать встречаться с ней тайком, как некоторые делают. Но я решил поступить по-человече-

ски.

Наталья откинулась на спинку стула, не веря тому, что услышала. Ей вдруг вспомнился мартовский вечер, когда Леонид вернулся далеко за полночь и объяснил задержку совещанием. Она тогда ждала его с ужином, несколько раз разогревала еду, а когда он наконец пришёл, муж раздражённо заявил, что не голоден, и отправился в душ. Вспомнилась новая рубашка, купленная без неё, хотя прежде Леонид всегда просил помочь выбрать одежду. Вспомнилось, как он стал выходить на балкон с телефоном и однажды резко оборвал разговор, когда Наталья открыла дверь спросить, будет ли он чай. Она тогда ещё удивилась, почему нельзя было просто сказать, что разговаривает по работе.

Теперь все эти мелочи получали совершенно другое объяснение. Наталья почувствовала себя не просто обманутой, а выставленной дурой, которая месяцами старательно помогала мужу скрывать измену. Она гладила ему рубашки, терпеливо ждала поздними вечерами, сочувствовала усталости и боялась лишний раз заговорить, чтобы не раздражать. А он в это время ездил к другой женщине, проводил с ней часы, возможно, рассказывал о Наталье какие-нибудь смешные истории. Последняя мысль оказалась особенно мучительной. Ей представилось, как незнакомая Элина смеётся над тем, что жена ничего не замечает, и Наталья едва удержалась, чтобы не вскочить.

— А я-то думала, у тебя неприятности на работе, — ска-

зала она, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Ты приходил злой, я боялась тебя лишний раз спросить, что случилось. Помнишь, в апреле я предложила сходить к врачу, потому что ты совсем не спал нормально? А ты на меня накричал. Я потом весь вечер переживала, думала, обидела тебя чем-то. А у тебя, оказывается, молодая любовница была. Поэтому ты ко мне больше и не подходил, да?

— Наташа, не надо всё сводить к постели, — Леонид недовольно поджал губы. — У нас с тобой давно не те отношения, что раньше. Ты сама прекрасно знаешь. Мы живём как хорошие знакомые, у каждого свои дела, свои интересы. Я не виноват, что встретил человека, с которым мне снова интересно.

— Не виноват? — переспросила Наталья, вскидывая голову. — А кто виноват, Леня? Я виновата, что тридцать один год прожила с тобой? Или что не стала на тринадцать лет моложе? Ты ведь мог со мной поговорить! Сказать, что тебе плохо, что ты чего-то хочешь, что тебя что-то не устраивает. Почему ты решил сначала найти себе другую, а потом сообщить мне об этом за ужином?

— Потому что я знал, какая будет реакция, — ответил муж, раздражённо отодвигая стакан. — Вот такая и будет, как сейчас. Крики, обвинения, попытки сделать меня виноватым во всех несчастьях. Я не собираюсь оправдываться за то, что хочу ещё пожить нормальной жизнью. И тебе, между прочим, никто не мешает заняться собой.

Наталья замолчала, пытаясь справиться с дыханием. Слёзы уже стояли в глазах, но она сдерживала их из упрямства, не желая плакать перед человеком, который разговаривал с ней так, словно обсуждал неудобный рабочий вопрос. Леонид немного подождал, затем снова придвинул к себе стакан и допил оставшийся компот. Он выглядел утомлённым разговором, но не расстроенным. Наталья вдруг заметила, что муж совершенно не интересуется тем, как она будет жить дальше, что почувствует, что скажет дочери. Он только объяснял собственное решение и требовал относиться к нему спокойно.

— Ася знает? — спросила Наталья, когда сумела снова заговорить. — Ты дочери уже рассказал? Или я теперь должна и это за тебя сделать, чтобы тебе было удобнее?

— Нет, Ася пока не знает, — ответил Леонид. — Я думал, сначала с тобой поговорю, а потом уже ей объясним. Она взрослая девочка, у неё своя жизнь. Думаю, трагедии из нашего расставания делать не станет, если мы сами будем вести себя разумно.

— Мы? — Наталья горько усмехнулась, не узнавая собственного голоса. — Значит, мы с тобой теперь вместе должны всё объяснять? Ты заводишь любовницу, уходишь к ней, а я должна рядом стоять и кивать, чтобы Асе легче было? Нет уж, Леня, сам и рассказывай. Я не собираюсь делать вид, что мы вдвоём приняли это решение.

— Никто тебя ни о чём таком не просит, — возразил Лео-

нид, хотя минуту назад говорил именно об этом. — Я только хочу, чтобы мы не начали воевать друг с другом. У нас ведь нет причин для настоящей вражды. Квартира твоя, я на неё не претендую, с деньгами разберёмся, вещи заберу постепенно. Можно сохранить нормальные человеческие отношения, если ты сама всё не испортишь.

Наталья посмотрела на него с недоумением. Разговор всё больше напоминал какой-то нелепый сон, в котором привычные слова употреблялись совершенно не к месту. Леонид рассуждал о нормальных человеческих отношениях, словно она должна была гордиться тем, что он не собирается отнимать квартиру, доставшуюся ей от родителей. Она попыталась представить, как расскажет всё Асе, и почувствовала новую волну стыда. Дочери двадцать семь, у неё своя работа, свои заботы, но она по-прежнему считала родителей крепкой парой. Наталья даже не знала, что страшнее: услышать сочувствие дочери или увидеть, как та возненавидит отца.

— И куда ты сейчас поедешь? — спросила она после долгого молчания. — К этой своей Элине? У вас уже всё решено, да? Ты там давно бываешь, вещи свои перевёз? А я тут сижу и гадаю, почему муж домой не торопится.

— Часть вещей у меня уже там, — признался Леонид. — Остальное заберу потом, не вижу смысла устраивать сегодня большой переезд. И да, конечно, поеду к ней. Мы решили жить вместе, я ведь тебе сказал. Только ты не думай, что я теперь совсем перестану сюда приходить. Я как раз хотел с

тобой обсудить, как нам дальше всё устроить.

Наталья насторожилась. В словах мужа ей послышалось что-то настолько странное, что на мгновение даже отступили боль и злость. Она посмотрела на его довольное лицо, на пустую тарелку и вдруг поняла, что он ещё не закончил объяснять свой план. Леонид, кажется, действительно считал, что самое неприятное уже сказано и теперь можно спокойно переходить к практическим вопросам. Он удобнее устроился на стуле, словно готовился обсуждать предстоящие выходные, и заговорил почти добродушно.

— Я ведь не собираюсь от тебя отворачиваться, Наташ, — объяснил он. — Мы столько лет вместе прожили, не чужие люди. И мне кажется глупым полностью ломать привычный порядок. Элина работает много, у неё другой образ жизни, они там вообще редко дома едят. А ты готовишь прекрасно, сама это любишь. Так что я подумал: жить буду с ней, а ужинать — дома. Ты ведь всё равно готовишь, какая тебе разница, на одну порцию больше или меньше?

Наталья молчала несколько секунд, ожидая, что муж сейчас улыбнётся и признается, что сказал чудовищную глупость. Однако Леонид смотрел на неё с совершенно серьёзным выражением. Он даже слегка наклонился вперёд, будто рассчитывал услышать одобрение разумного предложения. Наталья почувствовала, как лицо начинает гореть. Ей вдруг стало физически противно находиться на этой кухне, возле человека, который полчаса назад ел приготовленное ею жар-

кое, а теперь предлагает продолжать кормить его после того, как будет проводить ночи с другой женщиной.

— Повтори, — тихо попросила она, не отводя взгляда. — Леня, ты сейчас повтори, пожалуйста, потому что я не уверена, что правильно услышала. Ты будешь жить со своей любовницей, а ко мне приходить ужинать? Вот так, каждый вечер? Садиться за мой стол, есть мою еду, а потом ехать к ней в постель?

— Господи, Наташа, зачем ты всё так опошляешь? — Леонид поморщился и раздражённо развёл руками. — Я говорю о совершенно обычных вещах. Ты сама каждый вечер готовишь, у тебя всё налажено. Зачем теперь на одного человека возиться? Я буду приезжать, мы сможем пообщаться, ты не станешь целыми вечерами одна сидеть. Я, между прочим, и о тебе подумал, а ты сразу какие-то гадости начинаешь говорить.

— Обо мне подумал? — Наталья резко поднялась, отчего стул скрипнул по полу. — Ты обо мне подумал, когда с ней спать начал? Когда полгода мне врал? Когда я тебе рубашки гладила, а ты в них к ней ездил? И теперь ты ещё хочешь, чтобы я тебя кормила? Ты совсем с ума сошёл, Леня?

— Не кричи, я тебя прекрасно слышу, — сказал Леонид, оставаясь на месте. — Ты сейчас на эмоциях, поэтому всё воспринимаешь в штыки. Потом успокоишься и поймёшь, что я ничего плохого не предлагаю. В конце концов, тебе же самой будет приятно, если мы сохраним общение. А то раз-

ведёмся, перестанем видеться, и что ты будешь делать вечерами? Сидеть перед телевизором?

Наталья схватилась за спинку стула, потому что от возмущения у неё даже потемнело в глазах. Она вспомнила, сколько раз отказывалась от встреч с подругами, сколько вечеров проводила дома, ожидая мужа, как торопилась из магазина, боясь, что он придёт голодным. Вспомнила сегодняшний разговор с Галиной, приглашение в киноклуб, от которого снова отказалась. И вот теперь Леонид великодушно предлагал ей продолжать прежнюю жизнь, только без права считать его своим мужем. Она пыталась подобрать слова, способные объяснить ему всю чудовищность происходящего, но он, кажется, не видел ничего чудовищного.

— Ты меня за кого держишь? — спросила она, чувствуя, как слёзы наконец покатились по щекам. — За домработницу? За кухарку бесплатную? Ты думаешь, я тридцать один год тебя кормила потому, что мне заняться больше нечем было? Я для мужа готовила, Леня! Для человека, которого любила, с которым семья у меня была! А ты теперь хочешь приходить сюда как в столовую, пока твоя Элина будет тебя по ресторанам водить?

— Ну вот, опять началось, — недовольно произнёс Леонид, поднимаясь из-за стола. — Никто тебя кухаркой не называл, это ты сама придумала. И при чём тут рестораны? Элина вообще не особенно любит готовить, у неё другие интересы, она человек современный. А ты всегда говорила, что

тебе нравится заниматься домом. Почему теперь из этого нужно делать какую-то трагедию?

— Потому что я твоя жена! — выкрикнула Наталья, шагнув к нему. — Пока ещё твоя жена, между прочим! И я не собираюсь кормить тебя, пока ты живёшь с другой! Ты хотя бы понимаешь, что мне больно? Ты хоть раз за сегодняшний вечер подумал, что со мной будет?

— Наташа, хватит, — Леонид повысил голос впервые за весь разговор. — Я не обязан всю оставшуюся жизнь прожить с тобой только потому, что мы когда-то поженились. У меня тоже есть чувства, желания, планы. И я не собираюсь от них отказываться ради того, чтобы тебе было спокойно. Ты всё время говоришь только о себе, а меня даже выслушать нормально не можешь.

Наталья замахнулась было, сама не понимая, что собирается сделать, но остановилась, увидев, как муж отступил на полшага. Ей стало страшно от собственной злости. Леонид смотрел на неё с таким выражением, будто именно сейчас получил окончательное доказательство своей правоты, и это оказалось мучительнее любого крика. Она опустила руку, отвернулась и увидела его телефон, лежавший возле пустого стакана. Аппарат был совсем рядом, достаточно протянуть ладонь. Наталья схватила его прежде, чем успела подумать, что делает.

— Покажи, — потребовала она, сжимая телефон в пальцах. — Покажи мне свою Элину! Я хочу увидеть, ради кого

ты решил меня выбросить! У тебя ведь фотографии есть, да? Переписка наверняка тоже! Покажи, как ты ей пишешь, что любишь, пока я дома тебя жду!

— Наталья, отдай телефон, — резко сказал Леонид и протянул руку. — Ты уже совсем себя не контролируешь. Там мои личные разговоры, и я не позволю тебе в них копаться. Отдай сейчас же, не заставляй меня вырывать его у тебя из рук.

Наталья посмотрела на потемневший экран, в котором отражалось её собственное заплаканное лицо. Ей вдруг представились фотографии незнакомой женщины, их нежные сообщения, разговоры о совместных вечерах, которые Леонид проводил не дома. Она поняла, что стоит только открыть переписку, и всё это станет настоящим, обретёт лица, слова, подробности. Пока существовало одно имя — Элина, и уже оно причиняло такую боль, что хотелось закричать. Наталья резко положила телефон на стол, едва не опрокинув стакан, и отошла к окну.

— Забирай, — произнесла она, тяжело дыша. — Забирай свой телефон, свои вещи и уходи. Я не хочу ничего видеть, слышишь? Не хочу знать, какая она, как выглядит и что ты ей пишешь. Уходи отсюда, Леня, пожалуйста. Я сейчас просто не могу на тебя смотреть.

Леонид забрал телефон, проверил экран и сунул аппарат в карман. Некоторое время он стоял посреди кухни, явно ожидая, что Наталья снова начнёт разговор, но она молчала,

отвернувшись к окну. Тогда муж вздохнул и направился в спальню. Наталья услышала, как открывается шкаф, задвигается ящик комода, что-то падает на пол. Оказывается, он действительно собирался уехать сегодня, и её просьба лишь избавила его от необходимости объяснять, что разговор закончен.

Она пошла следом, хотя ещё минуту назад требовала, чтобы муж исчез с глаз. Леонид доставал из шкафа бельё, складывал носки в небольшую дорожную сумку и время от времени оглядывался на полки, проверяя, ничего ли не забыл. На кровати лежала рубашка, которую Наталья погладила позавчера, а рядом — его любимый тёплый свитер. Она помнила, как выбирала этот свитер в магазине прошлой осенью, как Леонид ворчал из-за цены, а потом носил почти не снимая. Теперь он спокойно сворачивал его и укладывал поверх остальных вещей.

— Остальное потом заберу, — сказал Леонид, заметив её в дверях. — Ты только ничего не выбрасывай и не раздавай, ладно? Мне понадобится зимняя одежда, кое-какие бумаги, инструменты из кладовки. Я на выходных заеду, спокойно всё соберу. Не хочу сегодня до ночи тут возиться.

— Ты уже всё решил, — Наталья прислонилась к дверному косяку, чувствуя невероятную усталость. — Даже сумку, наверное, заранее приготовил. А мне только за ужином сообщил, чтобы я не успела ничего сказать. Скажи хоть, ты долго собирался так сделать? Или сегодня вдруг решил?

— Я несколько недель думал, как лучше поговорить, — признался Леонид, застёгивая сумку. — И поверь, мне тоже было непросто. Я не какой-нибудь негодяй, которому нравится причинять людям боль. Просто пришло время что-то менять. Нельзя же всю жизнь прожить одинаково, Наташ. Ты сама потом поймёшь, что так будет лучше.

Наталья хотела спросить, когда именно он успел решить, что её жизнь тоже должна измениться, но слова застряли в горле. Она смотрела, как муж берёт сумку за ручку, и вдруг отчаянно захотела, чтобы он остановился. Чтобы поставил её обратно, подошёл, обнял и сказал, что всё это какая-то страшная ошибка. Ей даже пришло в голову попросить его остаться хотя бы до утра, не ехать сегодня к той женщине, дать ей время осознать случившееся. Но Леонид уже направлялся в прихожую, осторожно обходя Наталью с сумкой, и эта привычная бережливость движения показалась ей невыносимой.

— Леня, подожди, — позвала она, поспешив за ним. — Ты ведь понимаешь, что обратно всё уже не будет как раньше? Ты сейчас уйдёшь к ней, а потом что? Думаешь, завтра придёшь, я тебе ужин поставлю и мы будем сидеть как ни в чём не бывало? Ты хоть представляешь, как мне после этого с тобой разговаривать?

— Не надо сейчас загадывать, — ответил Леонид, обуваясь. — Первые дни всегда тяжёлые, потом привыкаешь. Я завтра позвоню, узнаю, как ты. А в пятницу, если успоко-

ишься, можем нормально поговорить. Без криков и взаимных оскорблений, как взрослые люди.

— Не надо мне звонить завтра! — Наталья снова повысила голос, почувствовав, что его спокойствие окончательно выводит её из себя. — И в пятницу не надо приезжать! Я не хочу тебя видеть, ты понимаешь? Ты мне всю жизнь сейчас разрушил, а сам стоишь и рассказываешь, как мы будем спокойно общаться!

— Вот поэтому я и предлагаю сначала успокоиться, — Леонид выпрямился, поправляя ворот куртки. — С тобой сейчас совершенно невозможно разговаривать. Я не собираюсь ругаться до ночи, мне завтра рано вставать. Давай оставим всё до другого раза.

Наталья стояла возле тумбочки, на которой лежала связка запасных ключей, и смотрела, как муж проверяет карманы. Он нашёл свои ключи, привычным движением убрал их в куртку и взял сумку. На мгновение Наталье захотелось потребовать, чтобы он оставил ключи здесь, раз уж решил жить в другом месте, но она не смогла произнести это вслух. Отдать ключи означало бы признать, что Леонид больше не вернётся домой так, как возвращался все эти годы. Ещё утром она ждала его с работы, выбирала продукты, думала о поездке за город, а теперь он собирался уходить к женщине, чьего лица она даже не видела.

— Наташ, дверь закрой за мной, — сказал Леонид, уже стоя на пороге. — И не накручивай себя, пожалуйста. Ниче-

го непоправимого не произошло, просто теперь у нас будет немного другая жизнь. Мы с тобой всё равно близкие люди, я это прекрасно понимаю и не собираюсь от тебя отворачиваться.

— Уходи, — ответила Наталья, с трудом удерживаясь от нового крика. — Просто уходи уже, Леня. Ты достаточно мне сегодня наговорил, больше не надо. Я не хочу сейчас ничего слышать.

Леонид пожал плечами, подхватил сумку и вышел на лестничную площадку. Наталья закрыла за ним дверь, повернула замок и некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом услышала, как подъехал лифт, как открылись и закрылись двери, и наконец в подъезде стало тихо. Ей хотелось броситься следом, остановить мужа, заставить его посмотреть на неё и наконец понять, что он сделал. Вместо этого Наталья прислонилась лбом к прохладной двери и расплакалась так сильно, что пришлось прикрыть рот ладонью.

Она не помнила, сколько простояла в прихожей. Когда слёзы немного утихли, Наталья вернулась на кухню и остановилась перед накрытым столом. Леонид оставил после себя пустую тарелку, стакан с несколькими каплями компота и сложенную пополам салфетку. На плите стояла кастрюля с жарким, которого хватило бы ещё на два ужина. Наталья смотрела на всё это и чувствовала, как обида постепенно уступает место какой-то тяжёлой, почти физической боли.

Ещё совсем недавно она радовалась, что мясо получилось мягким, а картофель не разварился. Теперь ей было противно даже вспоминать, с каким удовольствием Леонид ел, зная, что после ужина объявит ей об уходе.

Она взяла его тарелку, подошла к раковине и открыла воду. Привычка оказалась сильнее всего остального: руки сами потянулись за губкой, хотя Наталья совершенно не понимала, зачем сейчас моет посуду. Она оттёрла засохшую подливу, сполоснула тарелку и поставила на сушилку. Потом вымыла стакан, протёрла стол и убрала хлеб в пакет. Только когда очередь дошла до кастрюли с оставшимся жарким, Наталья вдруг остановилась. Ей представилось, как Леонид снова приходит завтра или послезавтра, садится на своё место и просит разогреть ужин, словно ничего особенного не произошло. От этой мысли её затошнило.

— Совсем с ума сошёл, — произнесла Наталья вслух, обращаясь к пустой кухне. — Жить он будет с ней, а ужинать дома... Господи, Леня, за кого же ты меня принимаешь? Неужели я тебе настолько безразлична, что ты даже не понимаешь, что предлагаешь?

Она закрыла кастрюлю крышкой и убрала в холодильник, хотя есть больше не собиралась. Потом прошла в спальню и остановилась перед открытым шкафом. Леонид оставил несколько пустых вешалок, но большая часть его вещей пока оставалась на месте. На полке лежали носки, в ящике — ремни и часы, возле кровати стояли домашние тапочки. На-

талья присела на край матраса и провела рукой по покрывалу, которое сама утром аккуратно расправила. Ей казалось, что стоит закрыть глаза, и она услышит привычный шум воды в ванной, шаги мужа, его раздражённое замечание о том, что опять не может найти нужную рубашку. Но в квартире было тихо, и эту тишину уже нечем было объяснить.

Наталья взяла телефон и нашла номер Аси. Дочь наверняка ещё не спала, можно было позвонить, рассказать всё, попросить приехать или хотя бы поговорить. Палец завис над значком вызова, однако Наталья так и не решилась нажать. Она слишком хорошо представляла реакцию дочери: возмущение, вопросы, желание немедленно разобраться с отцом. А ей самой пока не хотелось слышать чужой голос, который подтвердит, что случившееся действительно произошло. Она убрала телефон на тумбочку и легла, даже не переодевшись, но почти сразу поднялась снова. Лежать на своей половине кровати, зная, что сегодня Леонид будет спать рядом с другой женщиной, оказалось невыносимо.

Она вернулась на кухню, налила себе воды и села возле окна. За стеклом давно стемнело, в соседнем доме одно за другим гасли окна, во дворе кто-то громко разговаривал возле машины. Наталья попыталась вспомнить, когда они с Леонидом в последний раз проводили вечер так, как ей хотелось сегодня. Кажется, ещё зимой, до всех его бесконечных задержек и раздражения. Они тогда смотрели старую комедию, муж смеялся над знакомыми шутками, а потом обнял

её, когда она начала засыпать у него на плече. Наталья помнила даже запах его домашней футболки. И теперь ей хотелось плакать не только из-за измены, но и оттого, что она совершенно не понимала, куда делся тот человек, который когда-то так её любил.

К одиннадцати часам она немного успокоилась и заставила себя умыться. В зеркале отражалась усталая женщина с припухшими веками, покрасневшим носом и выбившимися из причёски волосами. Наталья смотрела на себя с неприятным чувством, которое прежде появлялось только в особенно неудачные дни. Она вспомнила, что Элине тридцать девять, и невольно провела пальцами по морщинкам возле глаз. Потом рассердилась на себя, отвернулась и вытерла лицо полотенцем. Леонид изменял ей не потому, что она плохо выглядела сегодня или вчера, но остановить унизительные сравнения оказалось невозможно. Наталья вдруг подумала, что не помнит, когда муж в последний раз говорил ей, что она красивая.

Телефон завибрировал, когда она уже собиралась погасить свет. Наталья вздрогнула и поспешно взяла его, увидев на экране имя Леонида. На мгновение сердце забилось чаще: она успела представить, что муж передумал, что ему стало стыдно после разговора, что сейчас он попросит прощения или хотя бы спросит, как она себя чувствует. Но вместо звонка пришло обычное короткое сообщение, написанное с той же будничной уверенностью, с какой Леонид всегда со-

общал о своих планах.

«В пятницу буду к семи. Только приготовь что-нибудь полегче, ладно? После жирного мне в последнее время тяжело спать. И давай без сегодняшних сцен, мы же взрослые люди».

Наталья перечитала сообщение несколько раз, не веря, что муж действительно написал это после всего случившегося. Она почувствовала, как снова начинают дрожать руки, и села на край кровати, сжимая телефон. Первым желанием было позвонить Леониду и закричать, чтобы он больше никогда не смел появляться у неё дома. Потом захотелось написать ему такую длинную, злую отповедь, чтобы он наконец понял, насколько чудовищно поступил. Наталья открыла переписку, набрала несколько слов и удалила, потому что ни одно из них не передавало того, что она сейчас чувствовала. Она положила телефон экраном вниз, погасила свет и долго сидела в темноте, глядя на пустую половину кровати. В пятницу муж собирался прийти к семи, и впервые за тридцать один год Наталья не знала, что сделает, когда услышит его ключ в замке.

Глава 2. Я ещё жду его

Утром Наталья проснулась от звука будильника и несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине. Обычно Леонид поднимался раньше неё, и к этому времени из ванной уже доносился шум воды, а потом хлопала дверца шкафа, когда муж выбирал рубашку. Сегодня ничего подобного не было. На соседней подушке виднелась небольшая вмятина, оставшаяся ещё с прошлой ночи, когда Леонид спал дома, и Наталья машинально протянула руку, чтобы разгладить наволочку. Только после этого она вспомнила вчерашний разговор, и сердце неприятно сжалось. Ей захотелось снова закрыть глаза, натянуть одеяло на голову и не вставать, но через сорок минут нужно было выходить на работу, а больничный из-за измены мужа никто не давал.

Она поднялась, накинула халат и отправилась на кухню. На столе всё было чисто, посуда стояла на своих местах, кастрюля с оставшимся жарким находилась в холодильнике. Вчера, после ухода Леонида, Наталья каким-то образом успела прибраться, хотя почти не помнила, как это делала. Теперь она достала чайник, налила воду и по привычке поставила рядом две чашки. Когда заметила свою ошибку, некоторое время смотрела на них с таким чувством, будто вторая чашка была виновата во всём случившемся. Потом убрала её в шкаф, достала хлеб и попыталась приготовить

себе завтрак. Есть не хотелось совершенно, но она заставила себя откусить кусочек бутерброда, запила чаем и поняла, что больше ничего проглотить не сможет.

Телефон лежал возле сахарницы. Наталья несколько раз поглядывала на него, ожидая нового сообщения, хотя вчера сама требовала, чтобы муж больше ей не звонил. Ей хотелось узнать, где он сейчас, проснулся ли, собирается ли на работу, вспоминает ли о ней. Она представила незнакомую квартиру, в которой Леонид, наверное, уже сидел за завтраком рядом со своей Элиной, и поспешно отодвинула тарелку. За тридцать один год брака Наталья привыкла знать, как начинается его день. Теперь даже обычная чашка кофе, выпитая мужем где-то в другом месте, казалась ей оскорблением.

Перед выходом она заглянула в спальню, открыла шкаф и долго смотрела на Леонидовы вещи. На перекладине висели его рубашки, внизу стояли туфли, которые он надевал только по особенным случаям, а на верхней полке лежал старый спортивный костюм. Наталья сняла с вешалки тёмно-серую рубашку, которую муж давно не носил, и зачем-то принялась аккуратно складывать. Потом взяла вторую, третью, положила всё на кровать и остановилась. Ей вдруг представилось, как Леонид придёт в пятницу, увидит пустую половину шкафа и поймёт, что она действительно больше не хочет иметь с ним ничего общего. От этой мысли сделалось так страшно, что Наталья торопливо повесила рубашки обратно, стараясь расположить их точно так же, как они висели прежде.

В колледж она приехала на десять минут раньше обычного. У входа уже толпились студенты, в холле кто-то спорил с дежурной, а возле расписания собралась небольшая очередь из первокурсников. Наталья поздоровалась со знакомыми преподавателями, поднялась на второй этаж и открыла библиотеку. Здесь всё было привычным и понятным: книги стояли на своих местах, на столе лежали заявки, оставленные накануне, возле окна дожидались обработки несколько возвращённых учебников. Она сняла плащ, убрала сумку в шкафчик и попыталась заняться делами, однако уже через несколько минут обнаружила, что третий раз перечитывает одну и ту же записку, совершенно не понимая её содержания.

— Наталья Сергеевна, а можно нам эти учебники сегодня забрать? — спросила девушка, появившаяся у стойки вместе с подругой. — Нам преподаватель сказал, что они у вас есть, а мы вчера приходили, только уже закрыто было. Если сейчас нельзя, мы после занятий зайдём, просто завтра спрашивать будут.

— Можно, конечно, — Наталья поспешно отложила записку и поднялась. — Вы мне только студенческие приготовьте, девочки, я сейчас посмотрю, сколько экземпляров осталось. И фамилию преподавателя назовите, пожалуйста, а то у вас по нескольким дисциплинам похожие пособия требуются.

Она ушла между стеллажами, нашла нужные книги и неожиданно почувствовала облегчение оттого, что прихо-

дится заниматься обычным делом. Студентки переговаривались возле стойки, одна жаловалась на ранние занятия, другая рассказывала о новом преподавателе, который уже успел задать слишком много. Наталья выдала им учебники, объяснила срок возврата и даже улыбнулась, когда девушки поблагодарили её. Несколько минут она почти не думала о Леониде, но стоило посетительницам уйти, как вчерашний разговор снова всплыл в памяти. Особенно отчётливо вспомнилось, как муж сказал, что будет жить с другой, а ужинать собирается дома. Наталья почувствовала, что лицо начинает гореть, и сердито захлопнула журнал выдачи.

В половине одиннадцатого заглянула Галина Викторовна. Она принесла две чашки кофе из автомата, поставила одну перед Натальей и принялась рассказывать о вчерашнем просмотре. Фильм, по её словам, оказался неожиданно хорошим, преподаватели спорили почти до девяти вечера, а Борис Титов так увлёкся обсуждением, что не заметил, как все остальные уже начали собираться домой. Наталья слушала рассеянно, машинально кивала и несколько раз ловила себя на том, что не понимает, о каких героях рассказывает коллега. Галина наконец замолчала, внимательно посмотрела на неё и отодвинула свой стул поближе.

— Наташ, ты чего сегодня такая? — спросила она, понизив голос. — Я тебя с утра видела, ты сама на себя не похожа. Случилось что-нибудь? Если дома неприятности, так ты скажи, может, помочь чем смогу.

— Всё нормально, Галочка, — поспешно ответила Наталья, беря чашку. — Просто не выспалась совсем, всю ночь крутилась. Давление, наверное, шалит, хотя я давно не проверяла. Не переживай, к обеду приду в себя.

— Ну смотри, — Галина явно не поверила, но расспрашивать не стала. — Ты хоть кофе выпей, пока горячий. А то опять весь день на ногах пробегаешь и только вечером вспомнишь, что ничего не ела. Я тебе булочку принесла, между прочим, в пакете лежит. Потом не говори, что никто о тебе не заботится.

Наталья поблагодарила её и попыталась улыбнуться. На мгновение ей захотелось рассказать всё прямо сейчас, выложить Галине вчерашний разговор, пожаловаться на мужа и услышать, что он негодяй, каких свет не видывал. Но она представила, как коллега станет расспрашивать о подробностях, как начнёт сочувствовать, и поняла, что не выдержит. Пока о случившемся знали только они с Леонидом, у Натальи оставалась какая-то нелепая надежда, что всё ещё можно исправить и никому не придётся ничего объяснять. Она отвела разговор в сторону, спросила о фильме и даже пообещала в следующий раз непременно присоединиться к остальным.

Днём позвонил Леонид. Наталья как раз разбирала новые поступления, и телефон завибрировал у неё в кармане так неожиданно, что она выронила карандаш. Увидев имя мужа, она почувствовала сильное волнение, поспешно вышла

в небольшой служебный коридор и только там ответила. Ей хотелось начать с холодного вопроса, зачем он звонит, однако, услышав знакомый голос, она совершенно забыла обо всех приготовленных словах.

— Наташ, привет, — сказал Леонид так буднично, словно вчера ничего не произошло. — Слушай, у меня в кабинете, кажется, осталась синяя папка с документами. Посмотришь вечером? Она должна лежать либо в нижнем ящике стола, либо на полке возле принтера. Мне там кое-какие бумаги нужны, а я вчера не вспомнил про них.

— Привет, — ответила Наталья и прислонилась плечом к стене. — Посмотрю, конечно. Ты на работу уже приехал? Я думала, ты раньше позвонишь, если честно. Ты ведь вчера сказал, что сегодня узнаешь, как я.

— Так я и звоню, — Леонид немного удивился её замечанию. — Просто заодно про папку вспомнил. Как ты там, нормально? Я надеюсь, выспалась хоть немного, а то вчера совсем себя извела. Не надо так переживать, Наташ, от этого только хуже будет.

Наталья прикрыла глаза. Она не спала почти всю ночь, утром едва заставила себя встать, а теперь муж спрашивал, нормально ли всё, таким тоном, словно речь шла о небольшой простуде. Ей хотелось ответить, что ничего нормального нет, что она не понимает, как жить дальше, но вместо этого она спросила, завтракал ли он. Вопрос вырвался сам собой, по многолетней привычке, и Наталья тут же почувство-

вала себя глупо.

— Позавтракал, не беспокойся, — ответил Леонид, и в голосе его появилась лёгкая насмешка. — Ты лучше себя береги. А папку посмотри, пожалуйста, вечером, потом созвонимся. Мне сейчас на совещание нужно, неудобно долго разговаривать.

— Леня, подожди, — поспешно сказала Наталья, испугавшись, что он сейчас отключится. — Ты ведь понимаешь, что мы вчера толком ничего не решили? Я всю ночь думала об этом. Может, нам действительно нужно поговорить, только не так, как вчера? Я не хочу кричать, просто у меня в голове всё не укладывается.

— Поговорим, Наташ, — пообещал муж после небольшой паузы. — Только давай не сейчас, я действительно занят. Ты успокойся немного, всё обдумай. Я ведь тоже не собираюсь рубить с плеча, мы столько лет вместе прожили. Ладно, мне пора, потом наберу.

Он отключился прежде, чем Наталья успела уточнить, что именно собирается обдумывать. Она ещё несколько секунд стояла с телефоном возле уха, потом посмотрела на экран и медленно убрала аппарат в карман. Слова Леонида о том, что он не собирается рубить с плеча, почему-то придали ей надежды. Вчера муж объявил об окончательном решении, а сегодня уже говорил о необходимости всё обдумать. Возможно, первая ночь вне дома оказалась совсем не такой приятной, как ему представлялось, и он начал понимать, от че-

го отказался. Наталья вернулась в библиотеку, чувствуя себя немного лучше, и даже смогла съесть половину принесённой Галиной булочки.

Вечером она первым делом отправилась в кабинет Леонида. Муж пользовался небольшой комнатой, которую они когда-то устроили из бывшей детской после переезда Аси. Наталья не любила без необходимости трогать его бумаги, поэтому открыла только указанный ящик и почти сразу нашла синюю папку. Та лежала поверх каких-то квитанций и старых блокнотов, аккуратно перевязанная резинкой. Наталья положила её на край стола, затем невольно огляделась. На спинке кресла висел кардиган, возле монитора стояла кружка с засохшими следами кофе, а под столом лежали домашние тапочки Леонида. Казалось, он просто задержался на работе и скоро вернётся, чтобы снова устроиться здесь с телефоном.

Она взяла папку, прошла в спальню и открыла шкаф. С утра рубашки остались на своих местах, но теперь Наталье снова захотелось заняться вещами мужа. Она достала дорожную сумку, которой они обычно пользовались во время коротких поездок, разложила её на кровати и начала складывать одежду. Сначала положила несколько рубашек, потом два свитера, бельё и носки. Постепенно сумка наполнилась, и Наталья обнаружила, что места почти не осталось. Она села на кровать, посмотрела на сложенные вещи и вдруг представила, как сама вручает их Леониду, помогая окончатель-

но переехать к другой женщине. От этой мысли стало так больно, что она торопливо принялась доставать всё обратно.

— Господи, ну что же я делаю, — прошептала Наталья, разглаживая рубашку на коленях. — Он ведь сам ушёл, а я за ним ещё вещи собираю. Неужели нельзя хотя бы один день ничего не трогать?

Она аккуратно повесила рубашки обратно, сложила носки в ящик и убрала пустую сумку на верхнюю полку. Потом села перед зеркалом и долго смотрела на своё отражение. За день лицо осунулось, под глазами появились тёмные круги, волосы выглядели неопрятно, хотя утром она тщательно их уложила. Наталья вспомнила, что вчера Леонид назвал возраст Элины, и почувствовала знакомый укол ревности. Ей захотелось узнать, красивая ли эта женщина, как одевается, где работает, что такого нашёл в ней муж. Она взяла телефон, открыла поиск, набрала имя и почти сразу закрыла приложение. Элин с такой фамилией, которую Леонид даже не назвал, можно было искать бесконечно, а Наталья совершенно не была уверена, что хочет увидеть её лицо.

Вечером муж позвонил ещё раз, как и обещал. Наталья рассказала, что нашла папку, спросила, когда ему удобно забрать, и услышала, что ничего срочного нет, он заедет в пятницу. Потом она осторожно поинтересовалась, как прошёл его день. Леонид рассказал о работе, пожаловался на сотрудника, неправильно оформившего заказ, и на несколько минут разговор стал почти прежним. Наталья слушала

знакомые интонации, задавала вопросы, даже посочувствовала ему, когда он упомянул неприятный разговор с начальством. Только после его замечания, что пора заканчивать, она вспомнила, где он сейчас находится.

— Леня, а ты где? — спросила Наталья, сама испугавшись собственного вопроса. — Я не в смысле, чтобы проверять тебя, просто... Ты уже домой приехал? То есть к ней, наверное. Я всё никак не привыкну, извини.

— Наташ, ну вот опять, — вздохнул Леонид, и вся прежняя мягкость из его голоса исчезла. — Мы же нормально разговаривали, зачем снова это начинать? Я у Элины, конечно. Я тебе вчера всё объяснил, не надо теперь каждый раз делать вид, что для тебя это неожиданность.

— Я не делаю вид, — ответила Наталья, чувствуя, как к горлу подкатывают слёзы. — Мне действительно тяжело это слышать. Ты ведь вчера ещё здесь был, понимаешь? Я всё время думаю, что ты сейчас придёшь. Прости, я не хотела тебе настроение портить.

— Вот и не надо, — сказал Леонид уже спокойнее. — Ты лучше поешь нормально и спать ложись, а то совсем себя измучаешь. В пятницу увидимся, тогда и поговорим. Я уверен, что к тому времени ты уже будешь спокойнее.

Наталья ещё долго сидела с телефоном после завершившегося разговора. Ей было стыдно за собственное извинение, хотя она никак не могла объяснить, за что именно попросила прощения. Леонид изменил ей, ушёл к другой жен-

щине, а теперь она старалась не испортить ему настроение своими вопросами. Но стоило вспомнить его обещание приехать в пятницу, как обида немного отступала. Возможно, если разговаривать спокойно, не кричать и не требовать немедленных решений, он сам начнёт сомневаться. Наталья ухватилась за эту мысль и отправилась на кухню, где заставила себя съесть несколько ложек вчерашнего жаркого.

В четверг утром она всё-таки позвонила Асе. Дочь ответила не сразу, а когда наконец взяла трубку, Наталья услышала на заднем плане чужие голоса и поняла, что та находится на работе. Она собиралась сказать, что ничего срочного нет, однако стоило Асе спросить, всё ли дома хорошо, как Наталья неожиданно расплакалась. Сначала пыталась отшутиться, потом призналась, что они с отцом поссорились, и только после нескольких настойчивых вопросов произнесла главное. Ася некоторое время молчала, словно не могла поверить услышанному, а затем спросила, где сейчас находится Леонид.

— У другой женщины, — ответила Наталья, вытирая мокрые щёки. — Он во вторник вечером сказал, что теперь будет жить с ней. Я сама до сих пор не понимаю, как это получилось. Ты только не волнуйся, Асенька, я ведь просто хотела с тобой поговорить. Не надо сейчас ничего предпринимать, пожалуйста.

— Мам, подожди, — голос дочери стал совсем другим, и Наталья сразу представила её нахмуренное лицо. — Папа

тебе во вторник сказал, что у него другая женщина, и уже два дня живёт у неё? А мне даже не позвонил? Он вообще в своём уме? Ты сейчас дома или на работе?

— На работу собираюсь, — призналась Наталья, взглянув на часы. — Мне через двадцать минут выходить, а я ещё не оделась толком. Ася, только не начинай ругаться, мне и так плохо. Я не знаю, зачем он всё это устроил, но он обещал в пятницу приехать, поговорить. Может, ещё ничего окончательно не решено.

— Мам, я вечером приеду, — твёрдо сказала дочь, явно стараясь сдержать возмущение. — Только ты, пожалуйста, поешь что-нибудь. И не нужно сейчас искать оправдания папе, хорошо? Я не собираюсь тебе указывать, что делать, но поговорить нам необходимо. Ты же не должна с этим одна сидеть.

Наталья согласилась, хотя от предстоящего разговора становилось тревожно. Она знала характер дочери: Ася могла быть резкой, особенно когда считала, что кто-то поступил несправедливо. С отцом они всегда хорошо ладили, однако Наталья не сомневалась, что теперь отношения между ними изменятся. Ей было страшно, что дочь поссорится с Леонидом, а потом станет жалеть об этом. Ещё страшнее было услышать от неё те слова, которые Наталья и сама понимала, но пока не хотела принимать: муж действительно ушёл, и его возвращение нельзя считать чем-то само собой разумеющимся.

Рабочий день тянулся мучительно долго. Наталья несколько раз ошиблась при выдаче учебников, забыла положить на место журнал и едва не отправила студентку искать книгу не на той полке. Галина заметила её рассеянность, снова предложила помочь, но Наталья только покачала головой и попросила не обижаться. В обед она купила себе суп в столовой, съела несколько ложек и отодвинула тарелку. Перед глазами постоянно стояло лицо Аси, когда та узнает подробности случившегося. Наталья понимала, что придётся рассказать и о предложенных Леонидом ужинах, хотя ей было стыдно даже произносить это вслух.

Дочь приехала около семи, когда Наталья уже успела вернуться домой и поставить чайник. Ася вошла быстро, почти не разуваясь обняла мать и некоторое время крепко держала её возле прихожей. Наталья почувствовала знакомый запах дочериных духов, увидела выбившуюся из хвоста прядь волос и неожиданно расплакалась снова. Ася ничего не говорила, только гладила её по спине, пока Наталья не смогла успокоиться. Потом они прошли на кухню, где дочь первым делом открыла холодильник и нахмурилась, увидев кастрюлю с оставшимся жарким и почти нетронутую упаковку творога.

— Мам, ты вообще ешь? — спросила Ася, доставая продукты и ставя их на стол. — У тебя тут всё как было, так и стоит. Я сейчас сделаю нам что-нибудь, потому что ты, судя по всему, два дня на чае живёшь. И даже не спорь, пожа-

луйста, мне нужно хоть чем-то заняться, а то я сейчас сама начну орать.

— Не надо ничего готовить, Асенька, — устало попросила Наталья, опускаясь на стул. — Я вчера жаркое ела, сегодня в столовой суп брала. Не голодаю, не переживай. Лучше садись, поговорим спокойно, а то мне уже страшно, что ты сейчас папе звонить начнёшь.

— Позвоню, конечно, — ответила дочь, доставая хлеб и сыр. — Но сначала хочу тебя выслушать. Он мне ничего не рассказывал, представляешь? Вчера вечером прислал какую-то ерунду про работу, спросил, как дела. И ни слова о том, что ушёл из семьи. Я вообще не понимаю, как можно так поступать.

Наталья начала рассказывать. Сначала старалась держаться спокойно, объясняла, когда пришёл Леонид, что они ели, как он заговорил об уходе. Но стоило дойти до слов о том, что муж собирается ужинать дома, как она снова почувствовала возмущение. Ася слушала, не перебивая, только всё сильнее хмурилась. Когда Наталья повторила рассуждения отца о том, что она всё равно готовит и не должна сидеть вечерами одна, дочь резко положила нож на доску и повернулась к матери.

— Он тебе действительно так сказал? — спросила Ася, явно не веря услышанному. — Мам, подожди, я хочу правильно понять. Папа собирается жить с любовницей, а к тебе приходить есть, потому что ты хорошо готовишь? И ещё

убеждает тебя, что таким образом заботится о твоём одиночестве?

— Именно так, — Наталья горько усмехнулась, вытирая глаза салфеткой. — Я сначала даже подумала, что он издевается. А потом поняла, что нет, он совершенно серьёзно. Представляешь, стал объяснять, что эта Элина не любит готовить, у неё другие интересы. А у меня, значит, интересы только возле плиты. Он ведь столько лет говорил, что любит мою стряпню, а теперь получается, что больше ничего ему от меня и не нужно.

— Да это уже ни в какие ворота не лезет! — Ася отодвинула стул и несколько раз прошлась по кухне. — Мам, ты только не обижайся, но папа ведёт себя как последний мерзавец. Он хотя бы понимает, что тебе сделал? Ты же столько лет вокруг него крутилась, а он теперь ещё хочет, чтобы ты его любовницу от кухонных забот избавила! Нет, я завтра ему позвоню и всё выскажу. Пусть только попробует мне рассказать, что это нормальная ситуация.

— Ася, не надо, — испуганно попросила Наталья, поднимаясь. — Пожалуйста, не ссорься с отцом из-за меня. Он всё-таки твой папа, вы всегда хорошо общались. Я сама с ним разберусь, правда. Мне только нужно немного времени, я ведь даже не успела понять, что происходит.

— Мам, я не собираюсь переставать считать его отцом, — ответила Ася, остановившись возле окна. — Но это не значит, что я должна делать вид, будто он ничего страшного

не совершил. Ты посмотри на себя, у тебя глаза опухшие, ты еле стоишь. А он, наверное, сейчас прекрасно проводит вечер со своей Элиной и уверен, что в пятницу ему снова накроют стол.

Последние слова больно задели Наталью. Она действительно собиралась подумать о пятничном ужине, хотя ещё вчера была уверена, что ни за что не станет готовить для мужа после его ухода. Леонид несколько раз говорил, что хочет поговорить, и Наталья успела придать этим словам значение, которого они, возможно, вовсе не имели. Теперь дочь произнесла всё так резко, что Наталье показалось, будто её уличили в чём-то постыдном. Она отвернулась к раковине, открыла воду и принялась мыть совершенно чистую чашку, только чтобы не смотреть Асе в глаза.

— Я ещё ничего не решила, — сказала она, стараясь говорить ровно. — И не надо заранее представлять меня полной дурой. Я прекрасно понимаю, что он поступил ужасно. Но мы с ним тридцать один год прожили, Ася. Я не могу взять и за два дня вычеркнуть его из своей жизни, как будто ничего не было.

— Я и не говорю, что должна вычеркнуть, — возразила дочь, подходя ближе. — Но ты же понимаешь, что если сейчас начнёшь его кормить и ждать, он никогда не оставит тебя в покое? Ему будет прекрасно удобно. Там молодая женщина, с которой он живёт, здесь ты с ужинами и заботой. А тебе что останется, мам?

— Мне не нужно объяснять, что мне останется! — неожиданно выкрикнула Наталья, резко закрывая кран. — Я и так всё прекрасно понимаю! Ты думаешь, я не знаю, что он с ней спит? Думаешь, я не представляю, как он возвращается от неё ко мне? Я об этом каждую минуту думаю, Ася! Каждую! Только мне от этого легче не становится, понимаешь?

Дочь отступила на шаг, явно не ожидав такого взрыва. Наталья сама испугалась собственного голоса, но остановиться уже не могла. Ей вдруг стало обидно, что Ася приехала с готовыми ответами на вопросы, над которыми она сама мучилась вторые сутки. Дочь не видела их с Леонидом молодых, не помнила первые годы брака, когда они были счастливы, не знала всех разговоров и примирений, которые случались между супругами. Наталья понимала, что Ася желает ей добра, но сейчас советы звучали так, словно её многолетняя любовь была глупой привычкой, от которой нужно поскорее избавиться.

— Тебе легко говорить, — продолжила она, уже плача. — У тебя своя жизнь, своя квартира, работа, друзья. Ты сейчас уедешь домой, а я здесь останусь одна. И завтра останусь, и послезавтра. Я ведь утром просыпаюсь и первые несколько секунд думаю, что он в ванной. А потом вспоминаю, что он с другой женщиной. Ты понимаешь, как это? Я его ещё люблю, Ася! Да, люблю, хотя он со мной так поступил. И мне от этого самой противно, не нужно ещё тыкать меня носом!

Ася опустилась на стул и закрыла лицо ладонями. Неко-

торое время обе молчали, слышно было только, как на плите тихо закипает чайник. Наталья стояла возле раковины, чувствуя одновременно злость и стыд. Она никогда прежде не кричала на взрослую дочь подобным образом, особенно когда та приезжала помочь. Ей хотелось подойти, обнять Асю и попросить прощения, но гордость пока не позволяла сделать первый шаг.

— Мам, я не хотела тебя обидеть, — наконец сказала Ася, убирая руки от лица. — Правда не хотела. Просто я сегодня весь день думала о том, что папа тебе наговорил, и у меня в голове это не укладывается. Я представляю, как ты здесь сидишь одна, а он считает, что всё нормально. И мне хочется сделать хоть что-нибудь, чтобы ты больше так не мучилась.

— Знаю, доченька, — тихо ответила Наталья, садясь напротив. — Я понимаю, что ты за меня переживаешь. Просто не нужно сейчас требовать, чтобы я немедленно перестала его любить. Я бы сама рада, если бы могла. Очень рада, поверь мне.

Ася протянула руку через стол и накрыла материнскую ладонь своей. Наталья почувствовала, как снова подступают слёзы, но на этот раз не стала отворачиваться. Они некоторое время сидели молча, потом дочь поднялась, выключила чайник и вернулась к недоделанным бутербродам. Наталья попыталась помочь, однако Ася мягко попросила её просто посидеть и выпить чаю. Через несколько минут они уже ели горячие бутерброды с сыром, и Наталья с удивлением обна-

ружила, что впервые за два дня чувствует голод.

Когда самый тяжёлый разговор закончился, Ася осторожно вернулась к практическим вопросам. Она спросила, собирается ли отец забрать вещи, нужно ли менять замок и не говорил ли чего-нибудь о квартире. Наталья объяснила, что жильё осталось ей от родителей, отец никогда не претендовал на него, а собственная небольшая квартира у него имеется, хотя сейчас там живут квартиранты. Леонид получил её после смерти матери несколько лет назад и сдавал молодой паре, которая собиралась оставаться до конца марта. Наталья сама помогала ему покупать туда мебель, помнила, как они выбирали диван и занавески. Тогда никто даже представить не мог, что однажды придётся обсуждать эту квартиру как место, куда муж сможет уехать после развода.

— Значит, с жильём у него никаких проблем нет, — задумчиво сказала Ася, отодвигая пустую тарелку. — Если вдруг с этой Элиной что-нибудь не получится, он спокойно может снять квартиру, пока квартиранты не съедут. А тебе не нужно переживать, что папа останется на улице, и пускать его только из жалости. Я знаю, ты сейчас об этом, наверное, даже думать не хочешь, но лучше заранее всё понимать.

— Да я и не переживаю, где он жить будет, — вздохнула Наталья, хотя сама не была уверена в правдивости этих слов. — У него зарплата хорошая, с квартирой всё нормально, денег хватает. Он прекрасно устроится, даже если с этой своей Элиной поссорится. Мне бы только понять, что теперь со

мной будет. Я ведь всю жизнь старалась, чтобы у нас дома всё хорошо было, а оказалось, что это никому особенно и не нужно.

— Мам, нужно было, — возразила Ася, подвигаясь ближе. — Я прекрасно помню наше детство и всё, что ты для нас делала. Просто папа привык, что у него всё готово, и перестал замечать. Но это не значит, что ты зря старалась. Ты ведь не только ради него жила, правда?

Наталья посмотрела на дочь и невольно улыбнулась сквозь слёзы. Она вспомнила, как маленькая Ася сидела на этой самой кухне, болтала ногами и требовала добавить в картофельное пюре ещё масла. Вспомнила школьные праздники, дни рождения, вечерние разговоры, когда дочь уже выросла и делилась своими переживаниями. Конечно, её жизнь не состояла из одного Леонида, но сейчас все эти годы словно оказались связаны с ним настолько крепко, что Наталья не понимала, как отделить одно от другого. Она погладила Асю по щеке и попросила больше не сердиться, а дочь обняла её и пообещала постараться разговаривать спокойнее.

Перед уходом Ася ещё раз предложила помочь собрать отцовские вещи. Наталья отказалась, объяснив, что пока не готова видеть пустой шкаф и чужую сумку с аккуратно сложенными рубашками. Дочь не стала настаивать. Она только попросила мать звонить в любое время, даже ночью, если станет совсем плохо, и пообещала приезжать, когда понадобится. Наталья проводила её до лифта, дождалась, пока закры-

лись двери, и вернулась в квартиру. Впервые за два дня тишина показалась не такой пугающей, хотя желание услышать шаги Леонида от этого никуда не исчезло.

Поздно вечером муж снова позвонил. Наталья сидела перед телевизором, почти не следя за происходящим на экране, и от неожиданности вздрогнула. Леонид спросил, нашлась ли папка, а затем сообщил, что в пятницу заедет, как и обещал. Наталья рассказала, что сегодня приезжала Ася, и на другом конце провода наступила короткая пауза. Муж, кажется, не ожидал, что дочь уже знает о случившемся.

— Ты ей всё рассказала? — спросил Леонид, и в голосе его послышалось недовольство. — Наташ, мы же договаривались, что сначала сами спокойно разберёмся. Зачем было дочь раньше времени расстраивать? Теперь она мне наверняка звонить начнёт, отношения выяснять.

— А что я должна была ей сказать? — устало спросила Наталья, поджимая под себя ноги. — Что у нас всё хорошо, только ты почему-то больше дома не ночуешь? Она моя дочь, Леня, я имею право с ней поговорить, когда мне плохо. И вообще, ты сам собирался ей рассказывать, только всё никак не собрался.

— Я бы рассказал, когда пришло время, — ответил муж, раздражённо вздохнув. — Просто не хотел делать из нашего расставания представление. А теперь она наверняка услышала только твою версию и решила, что я какой-то законченный мерзавец. Надеюсь, ты хотя бы не стала настраивать

её против меня.

Наталья почувствовала, что снова начинает злиться, но на этот раз сил на ссору уже не осталось. Она спокойно сказала, что рассказала дочери правду, а отношения с Асей Леонид должен выяснять самостоятельно. Муж некоторое время молчал, затем неожиданно сменил тему и спросил, не видела ли Наталья его тёмный свитер. Она объяснила, где он лежит, и снова поймала себя на том, что автоматически готова пойти проверить. Леонид поблагодарил, сказал, что завтра увидятся, и отключился. Наталья ещё долго смотрела на телефон, вспоминая, как легко он перешёл от обсуждения дочери к поискам одежды.

Пятничное утро началось с неприятной тяжести в груди. Наталья проснулась задолго до будильника, полежала, прислушиваясь к звукам за окном, и наконец поднялась. Вчерашний разговор с Асей немного помог, но теперь впереди был вечер, когда Леонид собирался приехать. Наталья пыталась убедить себя, что ничего особенного ждать не следует, муж ясно сказал, где собирается жить, однако стоило представить его появление, как сердце начинало биться быстрее. Она даже несколько раз проверила телефон, хотя Леонид ещё не обещал звонить. Перед выходом на работу Наталья долго выбирала одежду, остановилась на светлой блузке, которую муж когда-то особенно любил, затем рассердилась на себя и переоделась в другую.

В колледже было оживлённо. К концу первой учебной

недели студенты уже освоились, постоянно приходили за книгами, задавали вопросы и спорили из-за отсутствующих экземпляров. Наталья старалась сосредоточиться на работе, но мысли всё время возвращались к вечеру. Она представляла разные варианты разговора: Леонид может сказать, что поторопился, попросить прощения, предложить попробовать снова. А может прийти за вещами и окончательно объяснить, почему больше не хочет быть её мужем. Наталья не знала, какой из этих вариантов страшнее, и оттого становилась ещё более рассеянной.

Ближе к обеду позвонил Леонид. Наталья вышла из библиотеки в коридор, где было чуть тише, и ответила, стараясь не выдать волнения. Муж поинтересовался, как прошёл её день, хотя до окончания работы оставалось ещё несколько часов, затем сказал, что собирается приехать к семи. Наталья приготовилась услышать очередное замечание о пятничном ужине, но вместо этого Леонид неожиданно заговорил мягче обычного.

— Наташ, я тут подумал, — сказал он после небольшой паузы. — Не хочу, чтобы у нас всё так получилось, как во вторник. Мы же столько лет вместе прожили, глупо теперь разговаривать друг с другом как чужие люди. Я, если честно, по дому уже соскучился. По тебе тоже, по нашим обычным разговорам. Давай сегодня без криков посидим, спокойно всё обсудим.

Наталья остановилась возле окна и крепче сжала телефон.

Она боялась переспросить, что именно муж имеет в виду, чтобы не спугнуть неожиданную мягкость. Леонид не обещал вернуться, не говорил, что расстался с Элиной, но впервые за эти дни признался, что скучает. Наталье захотелось немедленно спросить, не передумал ли он, однако она удержалась и только согласилась поговорить. Ей казалось, что осторожность сейчас важнее всего, и если не давить на мужа вопросами, он сам скажет то, ради чего позвонил.

— Хорошо, Леня, — ответила она, стараясь говорить ровно. — Приезжай к семи, я дома буду. Только давай действительно спокойно, ладно? Я тоже не хочу снова ругаться. Мне очень тяжело после всего, что произошло, и я пока даже не понимаю, как с тобой разговаривать.

— Вот и отлично, — заметно повеселел Леонид. — Я знал, что мы сможем нормально договориться, если ты немного успокоишься. Ты ведь меня знаешь, я никогда специально не хотел сделать тебе больно. Ладно, до вечера тогда, мне ещё кое-что закончить нужно.

После разговора Наталья несколько минут стояла у окна, почти не замечая проходящих мимо студентов. Слова мужа о том, что он скучает по дому и по ней, снова и снова звучали в голове. Она понимала, что из одного телефонного разговора нельзя делать никаких выводов, но надежда уже появилась, и избавиться от неё оказалось невозможно. Леонид прежде никогда не говорил о своих чувствах особенно охотно, даже в молодости. Возможно, теперь он просто не реша-

ется признать ошибку прямо, боится выглядеть слабым или опасается, что Наталья не простит его сразу. Она решила не требовать от него никаких обещаний с порога и сначала выслушать всё, что он захочет сказать.

Домой Наталья отправилась раньше обычного, договорившись с Галиной, что та закроет библиотеку. По дороге она зашла в магазин и долго стояла возле мясного отдела, размышляя, что приготовить. Вспомнилось, как Леонид всегда любил голубцы и просил делать их побольше, чтобы хватило на следующий день. Наталья сначала отмахнулась от этой мысли: разве не она сама кричала во вторник, что больше не собирается его кормить? Но потом решила, что готовит прежде всего для себя и что обычный ужин не означает согласия на предложенный мужем порядок. Если они действительно собираются серьёзно поговорить, лучше встретить его спокойно, а не сидеть перед пустым столом и снова начинать с обвинений.

Она купила небольшой кочан капусты, фарш, рис, морковь и сметану. На кассе столкнулась с соседкой из третьего подъезда, которая поинтересовалась, куда пропал Леонид, давно его не видно возле дома. Наталья почувствовала, как лицо наливается краской, и торопливо ответила, что у мужа много работы. Соседка принялась рассказывать о собственном супруге, который тоже целыми днями пропадает в гараже, а Наталья кивала и ждала, когда разговор наконец закончится. Выйдя из магазина, она ощутила неприятную сла-

бость. Ей было стыдно за ложь, но ещё страшнее представлялось произнести вслух, что муж теперь живёт с другой женщиной.

Дома Наталья первым делом переоделась, убрала волосы и принялась готовить. Она обдала капустные листья кипятком, отварила рис, смешала его с фаршем и мелко нарезанным луком. Руки работали привычно, и постепенно волнение немного утихло. Наталья вспоминала, как Леонид ещё в первые годы брака шутил, что женился на ней ради голубцов, и как однажды съел почти целую кастрюлю за два дня. Тогда ей было приятно слышать подобные шутки, потому что муж неизменно добавлял, что такой хозяйки больше не найдёт. Теперь воспоминание вызвало одновременно улыбку и горечь. Она снова подумала о незнакомой Элине, которая, по словам Леонида, не любила готовить, и почувствовала нелепое желание доказать, что её домашняя еда всё ещё чего-то стоит.

Пока голубцы тушились, Наталья привела в порядок кухню, поменяла полотенце и достала чистую скатерть. Потом остановилась посреди комнаты, оглядела накрытый стол и почувствовала себя ужасно глупо. Она ведь прекрасно понимала, ради кого всё это делает. Не ради себя, которой последние дни даже хлеб не хотелось есть, и не ради обычного ужина, который можно было приготовить куда проще. Наталья старалась создать обстановку, в которой Леониду будет приятно находиться, потому что всё ещё надеялась услышать

от него слова о возвращении. Эта мысль вызвала стыд, однако убрать скатерть она так и не смогла.

В половине седьмого Наталья отправилась в спальню и снова остановилась перед шкафом. На кровати лежало покрывало, которое она утром не успела расправить, а возле тумбочки стояли Леонидовы тапочки. Она подняла их, собираясь убрать, но потом поставила обратно. Муж ведь собирался приехать поговорить, возможно, захочет переодеться или просто снять обувь. Наталья тут же рассердилась на себя за подобные мысли и всё-таки отнесла тапочки в прихожую, где им было привычное место. Она не могла решить, хочется ли ей показать мужу, что всё осталось прежним, или, наоборот, заставить его почувствовать последствия ухода.

В семь без десяти Наталья уже сидела на кухне, хотя голубцы были готовы, а стол накрыт. Она несколько раз проверила телефон, потом посмотрела в окно, пытаясь разглядеть машину мужа во дворе. Леонид мог приехать на несколько минут позже, и ничего страшного в этом не было, однако Наталья ловила себя на том, что прислушивается к каждому звуку лифта. Ей хотелось позвонить и спросить, где он, но она боялась показаться навязчивой. Она решила подождать хотя бы до семи, затем ещё десять минут, а если муж не появится, спокойно заниматься своими делами.

Ровно в семь у подъезда остановилась знакомая машина. Наталья увидела, как Леонид вышел, достал что-то с заднего сиденья и направился к двери. Она поспешно отошла от ок-

на, поправила волосы и вернулась к плите, хотя делать там было уже совершенно нечего. В квартире пахло голубцами, на столе стояли две тарелки, возле одной лежала любимая мужнина вилка с чуть потёртой ручкой. Наталья заметила её и почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но заставила себя успокоиться. Она не собиралась встречать Леонида плачем и упрёками, решила выслушать его, даже если услышанное окажется неприятным.

Когда в замке повернулся ключ, Наталья вздрогнула всем телом. Знакомый звук, который ещё несколько дней назад ничего особенного не значил, теперь заставил сердце забиться так сильно, что пришлось опереться ладонью о край стола. В прихожей послышались шаги, негромкий стук поставленной на пол сумки, затем Леонид позвал её по имени. Наталья ответила, что находится на кухне, и поспешно вытерла руки полотенцем, хотя они были совершенно сухими. Ей казалось, что сейчас муж войдёт, посмотрит на неё и наконец скажет то, чего она ждала с вечера вторника. Она выпрямилась, поправила скатерть возле своей тарелки и повернулась к двери, за которой уже слышались его приближающиеся шаги.

Глава 3. Порция для Элины

Леонид появился в дверях кухни с таким привычным выражением лица, что Наталья на мгновение почувствовала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.